

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. В. Волкова, Н. И. Малышева***

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»

12 ноября 2010 г. Актовый зал юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета уже в который раз собрал ученых-юристов и практиков из разных регионов нашей страны и зарубежных стран на конференцию, организованную кафедрой теории и истории государства и права. На протяжении многих лет эту кафедру возглавляет доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России, Почетный профессор СПбГУ, Почетный доктор права юридического факультета, Заслуженный деятель науки РФ *Дженевра Игоревна Луковская* — блестящий ученый с мировым именем, руководитель научной школы по Грантам Президента РФ на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации.

Год от года множится число участников проводимых кафедрой конференций и расширяется их география. В этот раз количество участников превысило 150 человек, и это не считая многочисленных студентов, занявших места по всему периметру Актового зала.

Конференцию открыла кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права *Елена Владимировна Тимошина*. Она выразила признательность присутствующим за то, что они откликнулись на приглашение кафедры принять участие в обсуждении проблем теории и практики правовой системы общества.

С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор СПбГУ *Владимир Викторович Лукьянов*. От имени ректора университета Николая Михайловича Кропачева и своих коллег он поздравил всех с началом конференции, проходящей

* Волкова Светлана Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

© С. В. Волкова, 2011

E-mail: theory@jurfak.spb.ru

** Малышева Наталия Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

© Н. И. Малышева, 2011

E-mail: nmal60@list.ru

в стенах юридического факультета. Известно, что на факультете проходит много конференций, но по количеству присутствующих, отметил В. В. Лукьянов, эта конференция — почти форум, где присутствуют теоретики, представители отраслевых юридических наук и практические работники. В последние годы, по мнению выступающего, наблюдается весьма прагматичное отношение студентов к процессу обучения. Это особенно заметно при выборе тем выпускных квалификационных работ, когда повышенный интерес проявляется к отраслевым юридическим наукам. Что же касается темы сегодняшней конференции, то она, по мнению В. В. Лукьянова, является фундаментальной, на основе которой и должен строиться в дальнейшем интерес студентов. В. В. Лукьянов подчеркнул, что его слова — это не простая дань вежливости, а итог многолетних наблюдений, которые еще раз убеждают в том, насколько тесно связаны теоретические и отраслевые науки и насколько необходим для «отраслевиков» заряд основательных, фундаментальных знаний. В заключение В. В. Лукьянов пожелал всем бурных дискуссий и жарких споров.

Приветствие участников было продолжено деканом юридического факультета, доктором юридических наук, профессором *Натальей Александровной Шевелевой*. Она отметила удачный выбор темы конференции, которая никого не может оставить равнодушным. Н. А. Шевелева пожелала, чтобы Актный зал, объединяющий всех, стал той дискуссионной площадкой, которая позволит появиться новым интересным мнениям, неожиданным взглядам, что в конечном итоге обогатит всех. Она подчеркнула значимость темы, одинаково важной и для «теоретиков», и для «отраслевиков», и для практиков.

Далее ведущая конференции Е. В. Тимошина отметила, что бесспорной особенностью предложенной сегодня для обсуждения темы является ее способность объединить ученых с разнообразными научными интересами, поскольку едва ли не любой предмет научного исследования может быть представлен в качестве элемента структуры правовой системы либо в качестве характеристики функционирования правовой системы или ее исторического развития. Исходя из содержания докладов, организаторы конференции структурировали программу конференции по тематическим блокам, последовательность которых задана самой логикой раскрытия данной темы. В ее обсуждении было предложено двигаться от наиболее общих вопросов, связанных с общей теорией правовой системы общества, методологических оснований исследования правовой системы, проблем типологии правовых систем, к вопросам, условно говоря, менее общим.

Слово для основного доклада на тему «Правовая система общества — приоритетное и перспективное направление юридической науки и практики» было предоставлено автору многочисленных работ по теории правовой системы общества *Владимиру Николоевичу Карташову*, доктору юридических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ, зав. кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Первым тезисом для обсуждения стало предложение о том, что теория правовой системы общества может рассматриваться как модель новой концепции фундаментальной юридической науки (дисциплины) «Теория государства и права» («Общая теория права», «Энциклопедия права» и т. п.). Докладчик обратил внимание на то, что в отечественном правоведении фундаментальной наукой (дисциплиной) одни авторы (Д. А. Керимов, М. Н. Марченко и др.) считают «Теорию государства и права», другие

(Б. А. Страшун, В. Е. Чиркин и др.) — «Общую теорию права», третьи (Ю. И. Гревцов, И. Ю. Козлихин и др.) — «Энциклопедию права» и т. д.

В. Н. Карташов справедливо заметил, что указанные точки зрения по поводу названия, предмета, структуры и прочих вопросов фундаментальной науки (учебной дисциплины) требуют уточнений. По его мнению, надо обратить особое внимание на следующий архиважнейший момент. Не требует доказательства либо опровержения тот общеизвестный факт, что право — один из главных компонентов правовой системы общества. В рамках «Теории государства и права», «Энциклопедии права» и т. п. изучается не только собственно право, но и другие элементы правовой системы (правотворчество и реализация права, юридическая ответственность и т. д.). Поэтому предметом фундаментальной науки (дисциплины) является не только право, но и правовая система общества в целом, ее основные свойства, структуры, закономерности возникновения, развития и функционирования. Не замечать этого — значит сознательно либо бессознательно отождествлять право и правовую систему общества. Предмет же науки, естественно, определяет и ее название — «Теория правовой системы общества», а не «Общая теория права» либо «Энциклопедия права».

По мнению В. Н. Карташова, «Теория права» (точно так же, как и «Теория правосознания», «Теория правоприменительной практики» и прочие юридические теории) является лишь частью «Теории правовой системы общества».

В. Н. Карташов считает, что такой подход к фундаментальной юридической науке позволит, во-первых, уже в самом названии правильно отразить ее предмет; во-вторых, более грамотно определить основные направления и объекты общетеоретических исследований; в-третьих, преодолеть этатистский подход при изучении не только права, но и других правовых феноменов. Анализ современных трудов показывает, что при изучении любого юридического явления большинство авторов пытаются связать его (явление) с государством даже в тех случаях, когда таких связей нет в действительности. Все это свидетельствует об отрицательных последствиях этатистского подхода в юриспруденции, а также о том, что правовая система общества очень длительное время изучалась в рамках единой «двухпредметной» науки — «Теории государства и права».

В рамках «Теории правовой системы общества», уточняет докладчик, не отвергается тесная связь государственных и правовых процессов. Наоборот, при исследовании взаимодействия политической и правовой систем достаточно обстоятельно рассматривается роль государства в гражданском обществе. Государство выступает в качестве важнейшего субъекта права, юридической практики, правоотношений и т. п., что находит отражение при исследовании соответствующих тем.

Являясь фундаментальной юридической дисциплиной, «Теория правовой системы общества» должна выполнять интегративную и методологическую роль в правоведении. Она призвана изучать правовой опыт различных стран. Общетеоретический подход требует выяснения социально-правовых закономерностей и объективных связей, присущих любым правовым системам, независимо от их исторического и социального типа. Естественно, что выделение общих черт (структурных элементов, тенденций развития и т. п.) позволяет более четко показать многообразие и особенности, присущие тем или иным правовым семьям (романо-германской, скандинавской и пр.), национальным правовым системам (России, Франции и пр.), конкретным правовым явлениям.

В. Н. Карташов полагает, что данный подход в юридической науке должен находить отражение и в современной учебной литературе (учебниках, учебных пособиях, курсах лекций и др.). Безусловно, что ГОС ВПО по специальности «Юриспруденция» в данном плане нужно коренным образом менять. И чем быстрее это будет сделано, тем более качественным и эффективным станет юридическое образование в стране. Далее В. Н. Карташов ознакомил присутствующих с подготовленной Программой по курсу «Теория правовой системы общества», которая, по его мнению, позволит устранить многие недостатки в преподавании общетеоретической дисциплины, а также даст новый импульс для развития фундаментальных юридических исследований в России в XXI в.

Второй проблемой, вынесенной докладчиком в качестве наиболее значимой, является методология теории правовой системы общества. Сам термин «методология» используется в литературе в различных значениях. По мнению большинства авторов, методологические проблемы юридической науки в настоящее время разработаны слабо, что позволяет говорить об определенных симптомах кризиса современного правоведения. Выход же из этого кризиса им видится в более четком определении понятия и структуры методологии. Анализ различных точек зрения по поводу понятия и структуры методологии фундаментальной юридической науки привел В. Н. Карташова к следующим выводам:

1) существует определенный эмпирический (фактические и статистические данные, официальные и т. п. документы) и теоретический (результаты уже проведенных исследований) материал, составляющий методологический базис для дальнейшего научного поиска;

2) методология — это определенный инструментарий (техника), т. е. совокупность средств познания юридических явлений;

3) методология включает приемы, способы и методы грамотного использования базового материала и соответствующих средств (тактику);

4) научные принципы, виды долгосрочного планирования и прогнозирования, определяющие перспективу и направления развития фундаментальных и иных исследований, образуют в методологии ее стратегический компонент;

5) в методологию входят методика систематизации и хранения полученных знаний, формулирования выводов и положений, процедуры их внедрения в науку и практику, учебный и воспитательный процесс;

6) ученые и их коллективы (организации), обладающие определенными знаниями, умениями, навыками и т. п., опираясь на свою интеллектуальную мощь, должны разрабатывать категориальный аппарат, обеспечивать прирост юридических знаний и готовить необходимые предпосылки для преобразований в обществе;

7) важным компонентом методологии является мировоззренческая основа науки. Система жизненных позиций ученых-юристов, их идеалы и убеждения, ценностные ориентиры и др. играют существенную роль в научном исследовании. Луи Пастер отмечал, что прогресс науки определяется трудами ученых и ценностью их открытий;

8) изучение юридических явлений требует ресурсообеспеченности, т. е. финансовых, материальных и прочих затрат;

9) методология представляет собой учение о технике, тактике, стратегии, методике и т. п. познания и преобразования реальной действительности, о структуре научного знания и наиболее перспективных путях и направлениях исследований. Как полагает

В. Н. Карташов, указанные компоненты и составляют структуру методологии правоведения.

Основные подходы он сводит к трем основным группам. Первую группу занимают логический, языковой и философский подходы, которые можно назвать универсальными. Они используются при разработке любой проблемы правовой системы общества, формировании всех концепций (теорий и т. п.). Суть логического подхода заключается в том, что каждое исследование начинается с живого созерцания (ощущений, восприятий и т. п.), абстрактного мышления (понятий, суждений и т. п.). Грамотное использование логических законов и форм позволяет правильнее мыслить, избегать логических ошибок, не допускать противоречий в своих рассуждениях. Назначение языкового подхода выражается в том, что логические законы и способы мышления, являясь идеальным средством познания правовой системы общества, приобретают материальную форму в языке и могут быть выявлены лишь путем специального анализа и синтеза языковых контекстов. Бесспорно, что одно из доминирующих положений в теории правовой системы занимает философский подход, который позволяет рассматривать правовые явления с фундаментальных и мировоззренческих (метафизических, диалектических, идеалистических, материалистических, экзистенциальных и т. п.) позиций, с использованием соответствующих принципов, категорий и законов. Универсальные подходы определяют стратегию исследования, позволяют выявить пути и направления научного поиска в правовых системах различных стран.

Вторую группу подходов образуют понятия и категории, теоретические конструкции и законы, принципы и средства, способы и методы, правила и процедуры, методики и т. п., присущие другим специальным неюридическим наукам (историческим, социологическим, психологическим, этическим, экономическим, политическим, математическим, педагогическим и т. д.).

Третью группу образует специально-юридический подход. Для правильного его понимания необходимо сделать несколько уточнений. Во-первых, в теории правовой системы используются многие категории, конструкции, средства, методы и процедуры познания, характерные для отраслевых, прикладных и иных юридических наук, без привлечения которых невозможно создать ни одно общее учение (о нормах права, правоотношениях и т. п.). Во-вторых, в качестве «частнонаучных методов правоведения» многие авторы называют «формально-догматический», «сравнительно-правовой», «правовой эксперимент» и др. Каждый из перечисленных «методов» представляет собой определенную модификацию применительно к изучению правовой системы формально-логического, социологического и иных подходов. Речь по существу идет о смешанных логико-правовых, психолого-правовых и других приемах (средствах, способах, правилах и т. д.) познания. В чистом виде о специально-юридическом подходе можно говорить лишь тогда, когда в процессе изучения разнообразных сторон правовой системы общества используются юридические понятия, категории, конструкции, принципы, достоверные и аргументированные юридические знания. Таким образом, по отношению к другим дисциплинам теория правовой системы общества, являясь фундаментальной по своей сущности, выступает в качестве ведущей методологической науки.

В рамках доклада В. Н. Карташов высказал свою позицию по поводу понятия, структуры и функций правовой системы общества. Под правовой системой общества он понимает единый комплекс органически взаимосвязанных и взаимодействующих

между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т. п.), с помощью которого осуществляется целенаправленное воздействие на поведение людей (их коллективов и организаций) и юридическое обеспечение (обслуживание) разнообразных сфер общественной жизни. Это целенаправленная, дифференцированная, открытая, самоорганизованная, динамичная, иерархичная, автономная, управляемая и т. п. система. Правовая система представляет собой полиструктурное образование, включающее, в частности, генетическую, функциональную, логическую (логику-философскую), психологическую, пространственную, временную, горизонтальную, вертикальную, стохастическую, синергетическую, рекурсивную, циклическую, иные ее структуры.

По мнению В. Н. Карташова, логическая (логику-философская) структура позволяет раскрыть взаимосвязи отдельных частей, компонентов (элементов) и правовой системы в целом как органически единого и логически завершенного образования. К основным ее компонентам относятся: а) объективное право, взятое в единстве и во взаимодействии его содержания и формы; б) юридическая практика (деятельность и социально-правовой опыт), осуществляемая в рамках правовых отношений и иных юридических связей; в) правосознание, которое находит выражение и в объективном праве, и в юридической деятельности, и в правоотношениях. Каждый из отмеченных компонентов представляет собой относительно самостоятельную подсистему и состоит из более дробных единиц, отдельных элементов. В рамках пространственной структуры выделяются различные типы, виды и подвиды правовых систем (семей), раскрывающих юридическую «карту» мира. Этот аспект проблемы достаточно подробно рассматривается в литературе.

Правовая система общества — полифункциональная система. В. Н. Карташов выделяет основные и неосновные, постоянные и временные, внутренние и внешние, явные и латентные, общесоциальные (экономическую, политическую, и др.) и специально-юридические (регулятивную, правосоциализаторскую и др.) ее функции.

Отдельно В. Н. Карташовым был поднят вопрос о праве в правовой системе общества. Докладчик отметил, что под юридическим содержанием права одни авторы понимают нормы права; другие — нормативные установки; третьи — нормы права и правосознание; четвертые — нормы права и правоотношения; пятые — нормы права, правоотношения и правосознание; шестые — субъективные права; седьмые — нормы права, субъективные права и юридические обязанности; восьмые — нормы права и / или судебные предписания; и т. д.

На взгляд В. Н. Карташова, юридическое содержание права составляют нормативно-правовые предписания. Это и позволяет охватить все элементы содержания, весьма удачно соединить логический и языковой, философский и психологический, юридический и социологический, этический и иные его аспекты. Основными элементами в юридическом содержании права являются принципы и нормы права. Относительно самостоятельное место занимают другие, так называемые «нестандартные» предписания: легальные дефиниции и нормативные справки, предписания, сроки и цели, нормативные рисунки и т. д. Нормативно-правовое предписание — это цельное, логически завершенное и формально определенное властное, общее, обязательное веление (распоряжение, правило и т. п.), которое служит особым (императивно-атрибутивным либо диспозитивным, юстициальным и пр.) регулятором поведения людей. Право, таким образом, представляет собой систему общеобязательных, властных, гарантированных

нормативно-правовых предписаний, которые отражают (должны отражать) идеи и состояния свободы и ответственности, справедливости и юридического равенства, гуманизма и демократизма, личной и общественной безопасности.

Источниками права являются все обстоятельства объективной и субъективной реальности, которые служат «источником сведений» о нем, «социальным субстратом» и «данностью права» (А. Нашиц), «основой» и «созидательной силой права» (Ж.-Л. Бержель), вызывают его к жизни. Как говорили древние, *cessante ratione legis cessat et ipsa lex* — с исчезновением оснований для возникновения закона должен перестать существовать и сам закон. Все действующие в правовой системе источники права можно подразделить на материальные и духовные, исторические и фактические, институциональные и формально-юридические, первоначальные и производные, главные и подчиненные, текстуальные и нетекстуальные, традиционные и нетрадиционные, внутренние для данной системы и внешние по отношению к ней и др.

Формально-юридические источники права или его формы — это способы внешнего выражения содержания права. К ним относятся: правовые обычаи, судебные прецеденты, нормативно-правовые договоры, юридические доктрины, программно-юридические документы, нормативные правовые акты, квазинормативные акты и др.

В. Н. Карташов также особое внимание уделил такому вопросу, как юридическая практика и технология в правовой системе общества.

В отечественной и зарубежной науке юридическая практика рассматривается либо в качестве чувственно-предметной юридической деятельности, либо в виде определенных итогов и результатов этой деятельности. Представители Ярославской юридической школы теоретиков понимают под юридической практикой деятельность по изданию, толкованию, реализации, систематизации и т. п. юридических предписаний, взятую в единстве с накопленным правовым опытом (социально-правовой памятью).

Если рассматривать юридическую практику как духовно-материальное производство, то ее ядро (основу и т. п.) составляет, естественно, технология.

По мнению докладчика, основными элементами юридической технологии являются следующие:

а) субъекты («производители»), обладающие определенными знаниями, умениями, мастерством и т. д.; б) объекты (предметы), т. е. «обрабатываемые продукты»; в) активные интеллектуальные и внешне актуализированные действия субъектов и участников технологического процесса; г) совокупность средств (юридическая техника); д) система приемов, способов и правил оптимального использования указанных средств (тактика); е) принципы, долгосрочные планы и прогнозы, образующие ее стратегический компонент; ж) процессуальные формы (стадии, производства и т. п.); з) «продукты» (результаты) соответствующей технологии; и) показатели, характеризующие качество соответствующего духовно-материального производства и его «продуктов» (результатов); к) критерии и параметры эффективности действий, выносимых юридических решений (предписаний, актов и т. п.); л) механизм вступления в юридическую силу (отмены, изменения, приостановления, продления, возобновления и т. п.) юридических предписаний, решений и актов; м) ресурсообеспеченность технологического цикла в полном объеме и/или отдельной его части; н) соответствующие виды, методы и т. п. контроля за законностью и справедливостью, качеством и эффективностью юридических действий, принимаемых решений, их оформлением и обнаружением, соблюдением процессуальной формы и т. д.

Не был обойден вниманием В. Н. Карташовым и вопрос о правосознании в правовой системе общества. Правовое сознание составляет субъективный компонент любой юридической деятельности и правовой системы общества. Под правосознанием понимается совокупность идей, теорий, представлений, чувств и т. п., выражающих отношение и оценку людей, их коллективов и общностей к ранее действовавшим, ныне существующим и желаемым юридически значимым явлениям, служащая внутренней детерминантой любой юридической деятельности.

Правосознание — полиструктурное образование. В качестве главных его элементов следует выделять правовую психологию и идеологию; индивидуальное, групповое и общественное; обыденное и научное; профессиональное и непрофессиональное; познавательное, эмоциональное и ценностное; ретроспективное, адекватное и перспективное; истинное и ложное; продуктивное и репродуктивное; господствующее и т. п. правосознание.

Правовая культура занимает особое место в индивидуальной и общественной сферах жизнедеятельности. Не претендуя на полноту, совершенство и какую-либо завершенность, В. Н. Карташов считает целесообразным дать следующее синтетическое (охватывающее и личностный, и общесоциальный аспекты) ее определение. По его мнению, это относительно самостоятельная разновидность духовно-материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражающая качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее идей, знаний, умений, действий и т. п.), обеспечивающая юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений.

Как показывает выступление В. Н. Карташова, существует множество проблем, имеющих теоретическое, практически-прикладное и дидактическое значение, которые требуют обстоятельного разрешения и ждут своих исследователей.

Далее последовала выразительная реплика доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ *Владимира Михайловича Баранова*. Он заявил, что ни при каких методологических оговорках, условиях не может теория правовой системы общества заменить ни теорию права, ни теорию государства, ни тем более энциклопедию права, поскольку, по его мнению, отсутствует строгая науковедческая характеристика этого феномена — «Теория правовой системы общества». В. М. Баранов полагает, что можно назвать этот феномен не теорией, а учением, направлением, или, наконец, научной школой. Правда, критерии определения юридических научных школ практически отсутствуют, поэтому есть опасность стать самозванцем. Далее, отметил выступающий, прежде чем возводить что-то в ранг теории, например правовую систему общества, надо достоверно установить, куда определить такие категории, как правовая реальность, правовая действительность, правовая материя, правовая жизнь и другие подобного уровня абстракции, и как соотносятся такие мощные феномены с правовой системой. По мнению В. М. Баранова, так и не ясно, все ли юридически значимые явления, которые существуют в нашей действительности, должны и могут включаться в правовую систему и имеются ли функционирующие параллельно или на стыке с правовой системой правовые явления, поэтому нельзя ломать выстроенные категориальные ряды: это опасно и научно, и методологически, и дисциплинарно. В заключение докладчик отметил, что выход в свет именно в Санкт-Петербурге «Энциклопедии права»

стал знаменательным событием в юридическом научном мире. Санкт-Петербургский государственный университет имеет особый статус и право формировать собственные стандарты, и если он включит «Энциклопедию права» в перечень дисциплин, то эта фундаментальная дисциплина позволит многое определить в юридической системе знаний и создать доминирующий правовой опыт, на который, по мнению В. М. Баранова, смогут опираться другие юридические вузы.

Свое выступление «Право и правовая система (соотношение понятий)» доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права *Андрей Васильевич Поляков* начал со слов признательности Владимиру Николаевичу Карташову за столь деятельное участие в конференции и за очень интересный и содержательный доклад. Разделяя общую «антиэтатистскую» направленность доклада, А. В. Поляков отметил, что как раз в рамках Петербургской школы философии права уже давно обсуждаются, правда, в другом контексте, очень схожие, может быть, даже родственные идеи.

По мнению А. В. Полякова, в то же время и доклад Владимира Николаевича, и его труды в данной области указывают на многие проблемные места в нашей науке, на необходимость дальнейшего исследования этих вопросов. Например, вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что признание права одним из компонентов правовой системы является «общеизвестным фактом». Данный факт неизвестен зарубежной науке, в которой право и правовая система фактически отождествляются; не считают это фактом и многие российские ученые, для которых «правовая система» и «система права» суть синонимы. Таким образом, вопрос о соотношении понятий «право» и «правовая система общества» не такой простой и очевидный, каким он может показаться. Кстати, и само понятие правовой системы остается в нашей науке до конца не разработанным.

Как подчеркнул А. В. Поляков, само название («правовая система общества») ко многому обязывает в связи с общей антиэтатистской позицией автора доклада. Антиэтатистский подход к праву предполагает признание правового плюрализма, т. е. возможности одновременного существования в одном и том же пространстве нескольких правовых систем: например, правовой системы государства (официальное право) и правовой системы общества (неофициальное право). Но тогда возникает вопрос, о какой правовой системе ведет речь докладчик. Очевидно, что все-таки о правовой системе, ядром которой является официальное право, установленное государством. Тогда название «правовая система общества» оказывается не совсем удачным. Следовало бы назвать такой курс «Правовая система Российского государства», но тогда параллельно необходимо создавать курс «Правовая система общества», в рамках которого речь должна идти о правовой системе, спонтанно создаваемой различными общественными структурами: религиозными объединениями, спортивными организациями, клубами по интересам и т. д. Вслед за этим может возникнуть и такой вопрос: как быть с правом международным? Очевидно, что оно никак не соответствует понятию «правовая система общества». Иными словами, предлагаемый докладчиком «антиэтатистский» вариант явно не является общей теорией правовых систем.

С точки зрения А. В. Полякова, необходимо различать понятие «правовое явление (элемент)» и понятие «явление, связанное с правом». Например, книга о преступлении и наказании, чьи-то размышления о праве, выступление на этой конференции — явления, связанные с правом, но они не являются «правовыми явлениями». А восприятие

смысла конкретной правовой нормы и реализация прав и обязанностей есть именно «правовые явления». «Правовые явления» отличаются от «неправовых» тем, что они неразрывно связаны с самим понятием права, право не может мыслиться в отрыве от них, но поэтому они ничем иным, кроме как явлениями (элементами) права, быть не могут. А это означает, что и правовая система (если она состоит из правовых явлений/элементов) как целостность есть не что иное, как право.

Вопрос о том, что есть правовая система, по мнению А. В. Полякова, тесно связан с вопросом о том, что есть право. Но и здесь отсутствуют «общеизвестные факты». Право — не лампочка. На него нельзя смотреть как на свет, который всем светит одинаково и для всех очевиден. Есть некие области человеческой жизни, человеческого взаимодействия, которые довольно существенно отличаются друг от друга в разных культурах по содержанию и которые, тем не менее, именуется «правом». Вместе с тем подобное наименование не фиксирует некую объективную реальность, данную одинаковым для всех способом. Поэтому и именование чего-либо «правом» зависит от способа восприятия этой действительности и употребления на этой основе соответствующего понятия. Задача ученого заключается не в том, чтобы найти «истину» о праве, а в том, чтобы представить такую модель правопонимания, которая охватывала бы наибольшее число случаев использования слова «право», объясняя при этом их многообразие.

В заключение А. В. Поляков коснулся понятия правовой системы в «широком» (нестрогом) смысле слова. Он подчеркнул, что, различая «правовые явления» и «явления, связанные с правом», необходимо будет признать, что к правовым явлениям относится далеко не вся сфера правосознания и юридической практики. Та же юридическая наука чаще всего не может рассматриваться как правовое явление. Тесно связанными с правом оказываются и мораль, и самые разнообразные стереотипы человеческого поведения. Все они, так или иначе, могут при определенных обстоятельствах выступать или вторичными источниками права, или средствами правовой легитимации первичных правовых текстов. Означает ли это, что связь права с этими элементами внешней (окружающей) среды образует какую-то новую систему (правовую систему в широком (нестрогом) смысле слова)? По мнению А. В. Полякова, ответ на этот вопрос не очевиден. Возможно, под такой системой будет пониматься сам «механизм действия права»; возможно, следует признать, что взаимосвязь права с элементами внешней среды носит бессистемный характер и осуществляется через посредничество так называемого «жизненного мира». Данный вопрос также нуждается в дополнительных исследованиях.

С докладом на тему «Российская правовая система: интегративная модель» выступила доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов *Марина Викторовна Немытина*. Она отметила, что на сегодняшний день категория «правовая система» в российском правоведении чаще всего используется в качестве обобщающей характеристики состояния права применительно к отдельно взятой стране. Таким образом, утвердившийся в российском правоведении подход к категории «правовая система», прежде всего, связывает ее с формами существования права в пределах территориального пространства одной страны, позволяя одновременно увидеть многогранность права, идентифицировать входящие в него элементы, множество влияющих на его функционирование и развитие факторов, заставляет установить их взаимосвязь и взаимную

обусловленность. Однако возможность сосуществования нескольких правовых систем в пределах одного территориального пространства допускают и зарубежные, и российские правоведы. Кроме того, говоря о категории «правовая система», следует уяснить и ее соотношение с категорией «правовая семья», которая охватывает группы стран, объединенных общностью правовой традиции, исторически сложившихся источников права, правовых институтов.

Как подчеркнула М. В. Немытина, для уяснения тенденций и уровня развития отечественной правовой системы необходимо проследить ее эволюцию в последнюю четверть века. В 90-е годы XX в. в отечественной правовой системе произошли радикальные перемены, основное содержание которых предполагало вхождение России в общее русло мировой цивилизации, введение принципиально иных устоев жизни общества и государства. Интеграция западных правовых ценностей и одновременно возвращение к отечественным (дореволюционным) правовым традициям — так в самом общем виде интерпретировалось содержание изменений в нашей правовой системе. Если глубже рассматривать это эклектическое смешение элементов различных правовых систем, правовых культур, то об обращении к отечественным дореволюционным правовым ценностям и возрождении российской правовой традиции в постсоветских условиях можно говорить с известной долей условности.

По мнению М. В. Немытиной, тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. 8/10 населения России составляли крестьяне, которые жили «миром», т. е. общиной, стал важнейшей предпосылкой дальнейшего обобществления средств производства после октябрьских событий 1917 г. Социалистические ценности, социалистический строй органично вошли в жизнь страны, где подавляющее большинство населения сохраняло общинные связи. Исторически сложившиеся и сохранявшиеся в России общинные связи позволили лидерам партии и государства не только провозгласить, но и реализовать на практике известный тезис о том, что у нас нет ничего частного, у нас все публичное, отрицавший частную собственность, подчинявший интересы личности интересам общества, т. е. публичным интересам. Таким образом, выстраивается триада «государство — общество — личность».

Когда в 90-е годы XX в. изменился общественный уклад, при сохранении всех составляющих триада стала выглядеть по-иному: «личность — общество — государство». Частное вышло на первый план.

Как подчеркнула М. В. Немытина, категории «частное» и «публичное» оказывают существенное влияние на формирование наших представлений о правовой системе России. Очевидно, что теоретический посыл, научная доктрина, интегрированная в жизнь общества, политику государства, законодательство, правоприменительную практику, приводит к вполне определенным последствиям. В связи с этим трактовка и понимание категории «правовая система», ее теоретико-правовая и историко-правовая интерпретации имеют серьезное научное и практическое значение.

С большим вниманием заслушали присутствующие выступление доктора юридических наук, профессора кафедры гуманитарного права Российского государственного гуманитарного университета *Людмилы Ивановны Глухаревой* на тему «Стиль правовой системы общества (вопросы онтологии и гносеологии)». По ее мнению, такой показатель, как стиль, очень неплохо справляется с задачей выявления и демонстрации разносторонней с социокультурной точки зрения и комплексной в научно-предметном плане характеристики правовой системы.

На взгляд Л. И. Глухаревой, в юридической науке под стилем правовой системы нужно понимать своеобразие правовой системы, показатель результата взаимодействия (причем уникального взаимодействия) всех элементов правовой системы — их набора (каталога), собственного содержания, порядка реализации, влияния друг на друга и т. д. В стиле проявляются оттенки, нюансы, наслаения, побочные ассоциации, раскрываются подлинные смыслы, значения, колорит элементов любой правовой системы (существующей, понятно, в рамках конкретного социального строя, конкретной культуры и истории конкретного народа). Очевидно, что перечисленные черты стиля — не та терминология, с которой привык работать юридический язык, но именно такие эпитеты раскрывают суть, смысловое наполнение стиля и тем самым позволяют выявить своеобразие той или иной правовой системы.

Л. И. Глухарева, обобщая имеющиеся в этой части наработки, отметила, что все стилеобразующие факторы можно свести в две основные группы — общецивилизационные и собственно правовые. К общецивилизационной группе следует отнести факторы, указывающие на особенности пространства, в котором «размещается» правовая система: общественный строй, традиции, ментальность народа, политика, режим власти и т. д. Собственно правовые стилеобразующие факторы создаются совокупностью: 1) исторического происхождения элементов правовой системы; 2) перечнем, содержанием и формой этих элементов (нормы права, источники, система права и др.); 3) юридической техникой (в ее широком смысле, включая юридический язык и терминологию); 4) механизмов взаимодействия элементов национальной правовой системы с международным правом; 5) юридического профессионального мышления (правовой идеологией, правопониманием, толкованием и т. д.). О каких-то из этих стилеобразующих факторов можно говорить, что они стилистически нейтральные, о каких-то — как о стилистически окрашенных. Первые являются общими для права как такового, вторые — национально особенными. Нейтральные употребляются в образцах любого стиля, без них невозможна никакая правовая система, поэтому их можно назвать и межстилевыми. Стилистически окрашенные имеют дополнительное содержание, дополнительный смысл, следующий из специфики национальной культуры.

Таким образом, как полагает Л. И. Глухарева, структура стиля и входящие в него элементы позволяют утверждать, что это сложный, системный показатель своеобразия правовой системы.

Доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института Академии Генеральной прокуратуры РФ *Илья Львович Честнов* выступил с докладом «Правовая система в постклассической парадигме».

И. Л. Честнов сосредоточил внимание прежде всего на социальных (социально-философских) характеристиках пост(не)классики, выделив следующие ее принципы. Во-первых, «наивный реализм» (натурализм), выражающий принцип объективности, трансформируется во взаимообусловленность объективного и субъективного аспектов социальной жизни. Во-вторых, идея универсальности политико-правовых институтов, сформированных западной культурой, заменяется их исторической и социокультурной контекстуальностью. На роль универсального (если оно есть) может претендовать лишь «голая абстракция», которая наполняется разным содержанием в разных контекстах. В-третьих, акцент на устойчивую структуру, которую классическая наука в лице структурализма пыталась обнаружить за наблюдаемыми явлениями мира, заменяется

признанием неустойчивости и постоянной изменчивости социальной реальности. Тем самым постулируется принципиально важное положение: социальная (и правовая) реальность суть процесс ее воспроизводства, осуществляемый дискурсивными практиками конкретных людей. Это положение вводит в методологию (и онтологию) юриспруденции идеи социального конструктивизма, социальных представлений и дискурс-анализа. И. Л. Честнову представляется, что эти разные исследовательские программы возможно совместить на основе принципа взаимной дополнительной в рамках диалогической методологии. В-четвертых, идея познаваемости (возможности полного описания, объяснения и предсказания) внешнего мира и, тем самым, его прозрачной однозначности трансформируется в принцип неопределенности и релятивности. Наше познание (описание и объяснение, не говоря уже о предсказании) всегда относительно, неполно, незавершенно и оспоримо. Отсюда неизбежность плюрализма не только в правопонимании, но и практически по всем вопросам теории права, в том числе правоприменения: универсальной и однозначной квалификации неисчерпаемого множества конкретных жизненных ситуаций не может быть, так как не может быть универсальной и однозначной формулы, под которую их можно подвести. Релятивность же права состоит прежде всего в том, что его содержание обусловлено отношением с обществом и с другими социальными явлениями. Это вытекает из принципа различения как основы социального бытия.

Исходя из этих основных положений пост(не)классической картины мира, по мнению И. Л. Честнова, неизбежно формируется иное представление о правовой системе и системе права. Таким образом, по мнению докладчика, система права — это люди, создающие нормы права; нормы права, образующие структуру права; значения, господствующие в данном социуме как ментальная составляющая норм права; действия людей, реализующие нормы права; индивидуальные смыслы, благодаря которым люди не просто квалифицируют социальные ситуации в качестве юридически значимых, но и соотносят их с собственными интересами и потребностями, а тем самым направляют свое поведение в связи с индивидуальными интерпретациями и оценками ситуаций, нормы и себя самих. Принципиально важно не просто зафиксировать элементы (точнее — аспекты, моменты) системы права, но показать их взаимообусловленность, порождающую механизм воспроизводства правовой реальности.

Таким образом, с точки зрения постклассической методологии, резюмировал И. Л. Честнов, система права представляет собой постоянно изменчивую, находящуюся во взаимодействии с другими социальными подсистемами, создаваемую людьми в процессе исторической эволюции систему представлений о социально значимых с функциональной точки зрения правилах поведения, закрепляемых в нормах права с помощью знаково-символического оформления и реализуемых в массовом поведении широких слоев населения. Очевидно, что предложенный подход к системе права нуждается в дальнейших уточнениях. Однако, несмотря на такую оговорку, он является, по мнению И. Л. Честнова, более адекватным изменившимся (и изменяющимся) условиям постсовременного социума.

Выступление представителя белорусской юридической науки кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой теории истории государства и права Белорусского государственного университета *Сергея Артуровича Калинина* было посвящено современным проблемам методологии системности права.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского государственного университета *Юрий Евгеньевич Пермяков* выступил

с докладом на тему «Правовая система: извлечение опыта или аргумент, обращенный к разуму». По его мнению, понятие правовой системы введено в отечественную науку о праве с целью осмысления собственного (национального) и зарубежного опыта обращения с правом, в сравнении которых теория права выходит на уровень широких обобщений. Однако сама задача осмысления правового опыта теоретической рефлексии не подвергалась, отчего в научной литературе сложно встретить утверждения, из которых следуют выводы о его очевидности и доступности.

В заключение Ю. Е. Пермяков сделал некоторые выводы.

1. Опыт права составляют не его нормы, институты и процедуры, а те мероприятия, благодаря которым субъект правового притязания смог состояться в качестве субъекта права, а государственное учреждение и чиновник — в качестве официальной инстанции, способной представлять от имени метафизических существ — справедливости, народа, судьбы.

2. Приемлемость опыта нельзя констатировать как объективный процесс сочетаемости элементов правовой системы или их исторического воспроизводства. Когда опираются на опыт, то в самом факте обращения к опыту прошлого содержится намек на некое истинное, «настоящее», т. е. прошедшее проверку временем. Здесь ученых подстерегает опасность быть очарованными стариной, поскольку история — это картины не того, что «было», а того, каким прошлое представляется.

3. Сказать, что право есть, не означает, что есть его опыт. Опыт права выводит нас из плана существования в план осуществления, где есть субъект и практикуемые им способы мышления. Стало быть, иметь опыт права — это быть таким субъектом, который располагает ресурсами для противопоставления правовых суждений всем тем позициям, которые нейтрализуют юридическую силу (легитимность) индивидуальных правовых предписаний и нормативных установлений.

С докладом на тему «Правовое отношение как деятельность (либертарно-юридическая концепция)» выступил кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти Российской академии правосудия *Вазген Сумбатович Нерсесян*.

Прежде всего он обратился к анализу системы «норма права — правовое отношение». Правовое отношение — это правовая деятельность, необходимо связанная с нормой права, а именно прежде всего абстрактная правовая деятельность абстрактных субъектов абстрактного правового отношения по формированию (установлению) нормы права и, далее, это конкретная правовая деятельность конкретно-определенных, персонифицированных субъектов конкретного правового отношения по реализации (применению) уже установленной нормы права. Норма права и правовое отношение как элементы системы друг без друга существовать не могут, поскольку без нормы права как меры правоспособности (меры формальной свободы) субъектов правовое отношение как взаимодействие (как коммуникация) невозможно. Вне правового отношения как деятельности и коммуникации норма права не может быть ни создана, ни использована. Право регулирует общественные отношения людей при помощи дозволений и запретов нормы права, устанавливающих внешние границы некоторой правовой области, в пределах которой субъекты права свободны в своих правовых действиях, направленных на удовлетворение соответствующих интересов.

Не обошел вниманием В. С. Нерсесян и факторы абстрактной правовой деятельности, и методологию регулирования формально неравных отношений. Абстрактная

правовая деятельность абстрактного субъекта, при участии которого формируется законодательная норма, зависит, при прочих условиях, от двух определяющих правовых факторов: 1) объективного (внешнего), связанного с формируемой (равно формально доступной, равно формально исполнимой) нормой закона и установлением соответствующей правоспособности абстрактного субъекта как надлежащей количественной меры его формальной свободы; 2) субъективного (внутреннего), связанного с качественными и количественными статусно-функциональными признаками абстрактного субъекта (его статусом, положением в правовом отношении, его ролью, выполняемыми функциями и индивидуальными возможностями), отличающего его от других абстрактных субъектов права и выражаемого в форме его интегрального индивидуального правового ресурса. По мнению В. С. Нерсесяна, здесь уместно отметить, что использование концепции правового отношения как деятельности позволяет установить определенные сущностные связи между либертарно-юридической и антрополого-коммуникативной правовыми теориями.

Следующий тематический блок конференции «Конституционные основы правовой системы общества» был открыт выступлением доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РФ, судьи Конституционного Суда РФ в отставке *Николая Васильевича Витрука* на тему «Конституция Российской Федерации как основа развития российской правовой системы». По мнению Н. В. Витрука, Конституция РФ 1993 г. не стала случайностью в отечественной истории. Она явилась результатом социальной революции, смены общественного строя в стране. По своей социально-правовой сущности Конституция РФ представляет своеобразный «общественный договор» различных социальных сил и выражающих их интересы политических партий, она выразила их известное согласие, консенсус. Конституция РФ была принята российским обществом, и проблема ее легитимности практически снята в настоящее время.

Н. В. Витрук отметил, что правовая система общества и государства опосредует правовую реальность (действительность), правовое бытие, правовую жизнь и сама составляет их часть. Она существует в конкретно-исторической и пространственно-временной определенности, поэтому находится под влиянием разнообразных экономических, политических, духовных, социокультурных и иных факторов. Правовая система совершенствуется, преобразуется, модернизируется в процессе естественно-исторического развития.

Н. В. Витрук обратил внимание на то, что развитие правовой системы все в большей степени оказывается под влиянием международного права. Соотношение международного и национального права определяется суверенными государствами самостоятельно, как правило, в их конституциях.

Вместе с тем, по мнению докладчика, с позиций конституционных установлений характерным для правовой системы современного российского общества является разбалансированность составляющих ее элементов. Нормативно-правовая основа (объективное право), равно как и другие элементы правовой системы, не всегда развиваются в соответствии с установлениями Конституции РФ.

Н. В. Витрук обратил внимание и на существование тенденции конституционного нигилизма, игнорирования конституционных положений со стороны региональных элит. Так, во многих конституциях и уставах субъектов РФ предусмотрено учреждение конституционных (уставных) судов, в большинстве из них приняты соответствующие

законы, а конституционные и уставные суды упорно не создаются в силу прямого сопротивления правящих региональных элит. Тем самым цинично игнорируются воля народа, конституции и уставы субъектов РФ. Федеральная власть безучастна к этой тенденции.

Как полагает Н. В. Витрук, нельзя обойти молчанием идею возможного преобразования Конституции РФ без изменения ее текста путем толкования конституционных положений, принятия соответствующих законов, формирования конституционных обычаев и судебной практики. Это непродуктивная идея, оправдывающая прямое нарушение либо возможность «обхода» конституционных установлений. Необходим иной теоретический подход: он состоит в углублении познания содержания и смысла (духа) Конституции РФ.

Н. В. Витрук отметил, что наиболее активным элементом в правовой системе является правосознание (массовое, профессиональное, индивидуальное). Оно предшествует законопроектной деятельности, органично вплетено в правореализационную и правоприменительную, контрольно-надзорную и судебную деятельность. Важным сопутствующим элементом правовой системы является юридическая наука, которая оказалась не вполне подготовленной к конституционным переменам и новым задачам модернизации общественных отношений и правовой системы, хотя нельзя отрицать ее известные достижения в познании онтологического статуса правовой системы общества, в выявлении взаимодействия ее элементов и развития правовой системы как системного образования. К сожалению, существующая власть подчас глуха к научным разработкам и рекомендациям. Юридическая наука должна стать источником прогнозирования будущего развития правовой системы, ее элементов. Сопутствующими элементами в правовой системе российского общества являются юридическое образование, правовое обучение и правовое просвещение, призванные формировать конституционно-правовое мировоззрение, конституционное сознание и правосознание в целом. К сожалению, советский опыт юридического образования и правового просвещения необоснованно игнорируется, современные системы обучения и просвещения консервативны по содержанию, методам осуществления. До сих пор во многих юридических вузах страны не изучается конституционное правосудие и конституционное судопроизводство как самостоятельный вид судопроизводства. В России юридическое образование все еще далеко от инноваций, не учитывает международный научный опыт и достижения компаративистики.

В рамках этого тематического блока конференции были заслушаны доклады доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории права Тверского государственного университета *Владимира Ивановича Крусса* на тему «Конституционное правопонимание в механизме охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы» и доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов *Георгия Генриховича Бернацкого* на тему «О соотношении международного и национального права».

Следующий блок выступлений был посвящен проблемам типологии правовых систем. Центром внимания стали национальные правовые системы в условиях глобализации.

Первым выступил доктор юридических наук, профессор, начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний РФ, Заслуженный деятель науки РФ *Роман Анатольевич Ромашов* с докладом на тему «Социально-культурные коды политико-правовых систем России и Запада».

Прежде всего, Р. А. Ромашов обратился к пониманию социально-культурного кода и специфике кодирования политико-правовых систем. По мнению Р. А. Ромашова, социально-культурный код — свойственная устойчивым социально-политическим организациям — национальным культурам система передачи информации посредством выделения основополагающих ценностных детерминант, задающих ритм политико-правовой жизни общества и определяющих ее сущность. Кодирование политико-правовой системы предполагает ее логическое преобразование в социально-культурный код. Вместе с тем использование в правовой теории понятия кода не является новаторством, отметил Р. А. Ромашов.

По мнению докладчика, качественное различие социально-культурных кодов ведет к тому, что взаимодействие правовых культур Запада и России вплоть до настоящего времени осуществляется под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, Запад воспринимается (прежде всего, на уровне политической идеологии) в качестве «врага», во все времена посягающего на территориальную целостность и национальную самоидентичность Руси/России. С другой стороны, Запад предстает в качестве «обгоняющей» цивилизации, стремление «догнать и обогнать» которую диктует необходимость заимствования полученных западной культурой достижений и накопленного опыта. При этом в политико-правовой области зачастую такое заимствование носит характер механического копирования политико-правовых конструкций (института президента, альтернативных выборов, разделения властей, состязательного судопроизводства и т. п.) с последующим их перенесением на «неподготовленную социальную почву». Именно неготовностью российского социума (как на уровне простых граждан, так и на уровне властвующих элит) воспринимать копируемые модели в качестве правовых (общеобязательных) объясняется ситуация, когда перманентное реформирование политико-правовых отношений сопровождается перманентным же правовым нигилизмом, который в такой ситуации рассматривается не как девиантное, а как нормальное (присущее системе на всех этапах ее развития) явление.

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права СПбГУ *Виталий Семенович Иваненко* выступил с сообщением, посвященным российской правовой системе в международно-правовом измерении.

С особым вниманием участники конференции выслушали представительницу китайской юридической науки, доктора юридических наук, профессора Центрального национального университета КНР *Чжан Цзюньцзе*. Она остановилась на важнейших проблемах китайского социалистического права.

Западной правовой системе как основанию для сближения современных правовых систем было посвящено выступление кандидата юридических наук, доцента, старшего научного сотрудника Института государства и права РАН *Наталии Владимировны Варламовой*. По ее мнению, правовая культура не может быть описана только через характерные черты норм (правил поведения), образующих позитивное право относящихся к ней стран. Поэтому в культурологически ориентированных сравнительно-правовых исследованиях акцент делается не на юридико-технических характеристиках правовых систем, а на истории их формирования, специфике религиозных, философских, политических воззрений общества и обусловленного ими понимания права, государства, их взаимосвязи, представлениях о месте права в системе социальной регуляции и способах его легитимации. На основании этих критериев практически все компаративисты

выделяют западную правовую культуру и противопоставляют ее всем иным правовым культурам (так называемым традиционным — религиозным и клановым). В основе западной правовой культуры лежит индивидуализм, т. е. она ориентирована на человека, который рассматривается как первичная и приоритетная ценность. Необходимыми атрибутами такого индивида являются свобода и равенство. Свобода отождествляется со свободой воли. Свобода выступает качеством, идентифицирующим человека, она предполагает равенство ее носителей — их взаимное признание и уважение друг друга как лиц, наделенных свободой и обладающих формально равными возможностями для ее реализации. Отношения таких свободных и формально равных лиц (индивидов) с необходимостью приобретают характер взаимного эквивалентного (по крайней мере, соразмерного) обмена, а основным способом их упорядочивания выступает договор.

Вместе с тем, полагает Н. В. Варламова, западной правовой культуре присущ дуализм естественного и позитивного права. Право, понимаемое как надлежащий социальный порядок, проистекает из самой природы вещей (со времен Г. Гроция — из природы человека), но вместе с тем устанавливается людьми (обществом или сувереном). Причем это искусственное, волеустановленное (позитивное) право — не плод человеческого (властного) произвола, а результат рационального познания и воплощения в социальной реальности «естественного хода вещей», «Божественного замысла», «природы человека» и т. п. Такое позитивное право не является чуждым, навязанным человеку, напротив, оно воспринимается как «свое», изначально ценное и необходимое. Отсюда типичное для Запада уважение к праву, поощряемость обращения к нему, притязание на его защиту (защиту своих интересов посредством права). Такая направленность массового сознания получила название юридического мировоззрения.

Н. В. Варламова полагает, что индивидуализм, рационализм и формализм не чужды иным цивилизованным человеческим сообществам. В той или иной мере они наличествуют в каждом из них, просто Запад демонстрирует более быстрое и последовательное их развитие. Сегодня все другие (не западные) культуры развиваются под существенным влиянием Запада, активно (хотя и не всегда добровольно) заимствуя элементы его социальной, экономической, правовой организации. Сама же «восточная модель» социальной организации постепенно эволюционирует в «западном» направлении, т. е. становится все более рациональной, формализованной и индивидуалистически ориентированной.

По мнению Н. В. Варламовой, вообще современное глобализирующееся общество предьявляет особый спрос на право в его западном понимании. На абстрактно-теоретическом уровне глобализация может быть представлена как унификация социального порядка, т. е. стремление обеспечить соответствие (по меньшей мере — непротиворечие) множества уникальных национальных порядков неким единым стандартам. Такие всеобщие и универсальные стандарты могут быть только правовыми. Ведь право предполагает социальный порядок максимально абстрактный и формализованный, в рамках которого в равной мере и в определенных пределах (обеспечивающих возможность их сосуществования) признаются и защищаются различные моральные и религиозные системы социальной регуляции. Универсализация социального порядка, осуществляемая на таких основах, не повлечет за собой уничтожение культурно-цивилизационного разнообразия человечества и позволит всем народам, вовлеченным в интеграционные процессы, сохранить свою национальную, культурную, религиозную, языковую и иную идентичность.

Далее слово было предоставлено доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета *Владимиру Моисеевичу Шафирову* для выступления на тему «Правовая система современной России: проблемы модернизации». Он отметил, что праву принадлежит фундаментальная роль в модернизации российского общества, государства. Правда, для этого оно само должно стать таким фактором роста, который обеспечивает развитие творческого начала в экономической, политической, и, конечно, правовой жизни. Но и в наши дни, по мнению В. М. Шафирова, остается востребованным образ формального, чисто внешнего, обязательно-принудительного права. На такой концептуальной платформе усилия по модернизации вряд ли будут эффективны. Поэтому центральный вопрос модернизации правовой системы — смена парадигмы в правопонимании. Право — ядро правовой системы. Именно в праве должен быть заложен инновационный потенциал, который позволит провести необходимые изменения во всех блоках правовой системы в соответствии с требованиями современности. Основным таким требованием является создание условий для развития человеческого капитала. Требуется такое видение права, для которого мерой всех вещей действительно выступает благополучие социально-правовой жизни каждого конкретного гражданина. Речь идет не просто об учете, уважении интересов личности, а о человеческом измерении права. А это уже совершенно другой подход, выражающий принципиально иной взгляд на право.

Не обошел своим вниманием В. М. Шафиров и такие важнейшие элементы правовой системы, как юридическая наука и юридическое образование. Новые идеи, концепции должны обсуждаться, внедряться не только учеными, но и юристами-практиками. Сегодня юридическая наука слабо влияет на происходящие изменения в законодательстве, в реализации права. В результате ключевые законы страны подвергаются изменениям без учета фундаментальных положений, требований современной науки. Юридическое образование также нуждается в модернизации. Образование — ключевое условие инновационного развития всех сфер общества, важнейший фактор национальной безопасности.

Темой следующего выступления кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета *Евгений Леонидович Поцелуев* определил понятие и структуру правовой системы в отечественной и зарубежной компаративистике. Он подчеркнул, что отечественные и зарубежные компаративисты нередко отмечают важную роль такого понятия, как правовая система. Но, несмотря на это, данное понятие в целом ряде учебников по сравнительному правоведению, монографий не раскрывается, не анализируется, т. е. нет понятия, нет признаков, нет элементов (в общетеоретическом аспекте).

Вместе с тем Е. Л. Поцелуев представил и свое видение правовой системы общества, которая включает: 1) господствующую правовую идеологию; 2) субъекты, адресаты права; 3) нормы и принципы права; 4) систему права, систему законодательства; 5) правовые отношения и связи; 6) правовую культуру; 7) юридическую практику.

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета *Ольга Владимировна Родионова* выступила с докладом «Проблемы типологии системы права». Она отметила, что совокупность нормативных актов любого государства, в том числе и Российской

Федерации, можно рассматривать как системное образование, хотя порой среди ученых существуют определенные разногласия по этому вопросу.

О. В. Родионова полагает, что обозначать российскую систему права как целостное образование преждевременно. По ее мнению, современную систему права в Российской Федерации можно охарактеризовать как суммативную систему из-за наличия достаточного количества коллизионных нормативных правовых актов, противоречащих друг другу как в целом, так и в частях. Но вследствие того, что суммативные системы не следует рассматривать как завершенные, закрытые системы и для них вполне возможен переход к системам целостного типа, можно предположить, что система права в РФ, динамично развиваясь, при определенных условиях вполне сможет соответствовать критериям целостной системы в гораздо большей степени, чем на современном этапе.

Большой интерес вызвало выступление кандидата юридических наук, доцента, докторанта Университета г. Эдинбурга (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) *Аси Николаевны Остроух*, посвященное смешанным правовым системам в Северной Америке: Квебека и Луизианы.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета *Екатерина Алексеевна Петрова* выступила с докладом «Принцип федерализма в правовой системе США». Она отметила, что принцип федерализма обуславливает и следующие особенности формальных источников американского права, выступающих в качестве важного элемента правовой системы США: существование дуалистической системы источников права: федерального законодательства и законодательства штатов; федерального общего права и общего права штатов; верховенство федерального законодательства во главе с Конституцией США над законодательством штатов; приоритет федерального статутного права над федеральным общим правом; действие принципа *stare decisis* в качестве обязательного лишь в пределах компетенции отдельного штата; связанность судов штатов решениями федеральных судов (а именно Верховного суда США как окончательной инстанции) лишь по вопросам, относящимся к федеральному праву; связанность федеральных судов решениями судов штатов (а именно высших судов) лишь по вопросам, относящимся к ведению штатов, если данные решения не противоречат праву федерации.

По мнению Е. А. Петровой, указанные особенности позволяют закрепить за правовой системой Соединенных Штатов особое, по существу самостоятельное, место в семье общего права.

Следующий блок выступлений был объединен темой «Современные методологические подходы к исследованию правовой системы общества».

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника экспертно-правового управления Секретариата Конституционного Суда Республики Беларусь *Людмила Олеговна Мурашко* осветила проблемы ценностного элемента в современном праве. Она отметила, что общество представляет собой систему многочисленных связей и отношений, где переплетаются интересы различных социальных групп. Исходя из многообразия отношений, их постоянного усложнения с ходом развития современной цивилизации, можно сделать вывод, что в основе происхождения социальных норм, их развития лежит необходимость упорядочить отношения в обществе, стремящегося, как всякая система, к упорядочению своих элементов.

По мнению Л. О. Мурашко, современным процессам правообразования и правотворчества на европейском правовом пространстве присущи такие тенденции, как

актуализация аксиологического содержания правовых норм, конституционализация, чему в большой степени способствует усиление роли института конституционного правосудия. Аксиологический потенциал права используется посредством правового оформления естественных механизмов саморегуляции общества в русле конституционной традиции, сложившейся в региональной социокультурной группе. Любому обществу присущи свои собственные ценности, которые структурированы и подчинены своеобразной иерархии. Высшее место с точки зрения правовой аксиологии занимают ценности, получившие закрепление в демократически принятых конституциях. При этом действует явный закон: чем более широкому кругу носителей принадлежит закрепленная в конституции ценность, тем сильнее социальная заинтересованность в ее сохранении, соблюдении, высокой степени реализации. Сквозь «ценностную» призму становится очевидной та созидательная роль, которую играют как государственные, так и общественные институты, являющиеся своеобразными «хранителями и проводниками» ценностей. Посредством конституционных норм общество заявляет о своих ценностях и приоритетах.

Вместе с тем, по мнению Л. О. Мурашко, аксиологическое «измерение» права позволяет «вскрыть» сущность процессов правового оформления естественных механизмов саморегуляции общества, протекающих в русле конституционной традиции общества и государства. Национальная конституция закрепляет ценности, доминирующие в иерархии всех ценностей данного общества, и в этом аспекте рассматривается не просто как правовой документ, а как юридически обустроенный гражданский мир, отражая общественное согласие, сложившееся в конкретно-исторических условиях. Ценности, закрепленные в конституции, выступают итогом прогрессивного развития общества, оказывая воздействие на всю национальную правовую систему.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ *Мария Александровна Капустина* выступила с докладом на тему «Правовая система общества: проблемы правового регулирования». Соглашаясь в целом с В. Н. Карташовым в вопросе о трех основных компонентах правовой системы общества: системе общеобязательных норм (объективном праве), юридической деятельности (практике), правосознании, М. А. Капустина все же признала, что сама по себе подобная структура правовой системы не только не способна преодолеть этатистский подход в юриспруденции, но и вполне вписывается в него. Дело в том, что, определяя государство важнейшим субъектом права, правовую систему приходится рассматривать как государственно-организованную систему, сливающуюся по сути с политической системой, центральным субъектом которой также является государство. Правовая система, таким образом, предстает как результат целенаправленного нормативно-правового регулирования (упорядочения) общественных отношений государством. Целью правового регулирования при таком подходе является воплощение в фактической деятельности организаций, государственных органов, должностных лиц и граждан норм объективного права.

М. А. Капустина обратила внимание на то, что правовая система общества, являясь самостоятельной подсистемой общества, взаимодействует, но не совпадает с политической, культурной (духовной) и другими подсистемами. Главным субъектом (элементом) правовой системы, как и любой другой социальной системы, вероятно, правильнее было бы считать индивида (человека), без которого социального мира не существует. Современные исследователи, например Д. И. Луковская и И. Б. Ломакина,

подчеркивают необходимость изучения социальных, в частности правовых, институтов, например, юридической ответственности, в антропологическом аспекте.

М. А. Капустина в заключение отметила, что правовая система — сложное многоаспектное явление, охватывающее разные средства воздействия на поведение человека. Правовое регулирование в обществе необходимо для поддержания порядка отношений. Однако в той же мере, в какой невозможно все разнообразие человеческого поведения (проявления человека вовне) свести исключительно к системе рациональных целенаправленных предсказуемых поведенческих актов, невозможно и правовое регулирование свести только к нормативному, тем более законодательному (государственному) упорядочению общественных отношений. Нормы права формируют общественные отношения до известного предела. Большую роль в правовом регулировании играет правосознание индивида. Правосознание не просто выражает отношение к действующему законодательству и практике реализации норм законов, не только определяет содержание и результат законотворчества государства, но и само участвует в правовом регулировании. Точнее, правовое регулирование опосредовано правовым сознанием, поэтому правовая система формируется не только в результате организованного функционирования механизма государственно-правового регулирования, но и под влиянием неупорядоченных процессов, самоорганизации общественных отношений.

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь *Вадим Иванович Павлов* выступил с докладом «Синергичная антропология как неклассическая антропология права». Он отметил, что в настоящее время юриспруденция нуждается в обновлении своего методологического аппарата, в обновлении стратегии юридического мышления. Это положение не является голословным, оно вырастает из практики социальной жизни, из актуальной картины правовой реальности. Последние 20 лет проходили под знаком радикального переосмысления тех исследовательских установок, которые были выработаны в советском юридическом дискурсе. Разумеется, многое из наработанного в советском правоведении сохраняет актуальность и сейчас. Однако та модель мира, которая репрезентировалась в советском коллективном сознании, прекратила свое существование.

По мнению В. И. Павлова, программа формирования неклассического (неэссенциального) юридического дискурса, основанного на синергично-антропологической платформе, должна включать следующие этапы:

1. Адекватное формулирование неклассического юридического дискурса как, прежде всего, юридико-антропологического (на базе синергичной антропологии), заключающееся в представлении его по отношению к классической юридической речи в качестве *эквивалентного*. По крайней мере, в связи с этим в исследовательском правовом поле необходимо выделить: а) антропологически зависимые области правовой реальности (правовое поведение, правонарушение, юридическая ответственность, правовое сознание, правовая культура, правопонимание, правотворчество и др.), для которых более валидным был бы неэссенциальный дискурс (где необходимым элементом анализа является модель «человека в праве»), и б) инструментально-правовые (или технико-правовые) области (механизм государства, структура государственного органа, юридическая техника, иные технико-обеспечительные процедуры правотворчества, правореализации, юридической ответственности и др.), для кото-

рых более продуктивным является эссенциальный дискурс (где достаточно руководствоваться классической моделью субъекта права).

2. Продвигаясь в дальнейшем по ландшафту первой, антропологически зависимой области правовой реальности, следующая задача заключается в переводе классической картины фрагментов выделенной правовой реальности на уровень ее энергийно-правового осмысления как определяющей по отношению к дополнительной в этом случае эссенциальной или формально-юридической речи. В частности, одной из актуальных тем сегодня в этом смысле является проблема переосмысления нормативности. Последняя в рамках традиционной трактовки понимается на основании предположения наличия жестко структурированной нормы (гипотеза — диспозиция — санкция) с присущим ей постоянно наличествующим смыслом (так называемой волей законодателя), который лишь извлекается толкователем-правоприменителем. В неэссенциальной парадигме, исходящей из энергийно-правового образа правоприменителя, акцент делается на осмыслении нормы не как некоей жесткой структуры, а как юридического знака, призванного транслировать смысл, который, однако, раскрывается через акт экзистенциально-ситуативного понимания правоприменителем и жизненной ситуации, и самого знака посредством надления их определенным значением. Иными словами, в конкретной коммуникативной ситуации именно правоприменитель, т. е. человек в праве, осуществляет право, и использование здесь модели редуцированного субъекта, тем более в условиях органической оценочной природы права, не является адекватным.

3. Третья задача заключается в теоретическом описании встречи энергийно понимаемой правовой реальности уже не с субъектом права, а с человеком в праве. Факт формирования этого человека (прежде всего, правоприменителя) жизненными практиками, формирующими стратегию юридического мышления и, если вести речь о правоприменении, вбирающими в самом общем виде жизненный мир правоприменителя, непосредственно обращает внимание на синергийно-антропологический опыт конституирования человека вообще и в юридических практиках в частности.

В заключение В. И. Павлов отметил, что в связи со сказанным задачей-максимум являются полное описание правовой реальности в двух областях опыта (по отношению к антропологическому фактору в праве) и представление правовой системы не только с позиции ее элементного строения, но и с позиции ее энергийно-правового и эссенциального содержания соответственно; при этом, учитывая современные тенденции в праве, первичность значимости первого содержания перед вторым подлежат сомнению не должна.

Выступление кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета *Владислава Валерьевича Денисенко* было посвящено методологическим проблемам правовой системы.

Следующие выступления участников конференции были объединены темой «Публичное право в правовой системе общества». В рамках данной тематики первому слово было предоставлено доктору юридических наук, профессору кафедры теории и истории государства и права СПбГУ *Юрию Ивановичу Гревцову*. Свой доклад он назвал: «Юридическая ответственность: о месте и роли в правовой системе общества». Ю. И. Гревцов отметил, что основными (теоретическими) проблемами юридической ответственности в нашем правоведении на протяжении длительного времени выступают, главным образом, определение понятия юридической ответственности и проблема позитивной юридической ответственности (опять-таки в аспекте определения

понятия такой ответственности). Именно на этом концентрировались и продолжают в основном концентрироваться внимание и силы отечественных ученых. Однако понятие юридической ответственности так и не определено, продолжают воспроизводиться самые различные точки зрения, позиции. Сложившееся положение (в методологическом смысле) можно объяснить тем, что попытки сформулировать определение понятия явления, не выяснив по существу природу явления, его основные признаки, — дело заведомо безнадежное.

По мнению Ю. И. Гревцова, обозначились три основных направления в подходе к юридической ответственности. Первое представлено, видимо, большинством (в недавнем прошлом — подавляющим большинством) отечественных ученых, которые полагают, что юридическая ответственность может быть только ретроспективной ответственностью за совершенное правонарушение. Вот уже добрых полвека количество здесь никак не стремится перейти в качество, в том смысле, что в рамках этого направления как отсутствовало, так и отсутствует сегодня единство относительно определения понятия самой ретроспективной юридической ответственности (однако в отношении позитивной юридической ответственности здесь редкостное единство в смысле отрицания позитивной юридической ответственности, что называется, прямо с порога). Юридическая ответственность здесь определяется как наказание, как реализация санкции, как юридическая обязанность претерпеть лишения, как принуждение вкупе с общественным порицанием, мерами наказания, которые государство обрушивает на правонарушителя, как правоотношение и др.

Как отмечает Ю. И. Гревцов, нетрудно заметить методологическую несостоятельность такого подхода: вместо обозначения в понятии основных сущностных признаков определяемого явления (юридической ответственности как ответственности ретроспективной), определяют последнее через другое самостоятельное юридическое явление (санкцию, наказание и др.). Можно упрекнуть авторов такого подхода и в том, что они «загоняют» юридическую ответственность в тюремные стены, ограничивают ее стенами исправительных колоний. Получается, что в правовой системе ответственность имеет место только в названных учреждениях, что же касается остальных (позитивных) сфер правовой системы, там юридической ответственности нет и быть не должно?

Второе направление, подчеркнул Ю. И. Гревцов, представлено учеными, которые видят юридическую ответственность в единстве двух элементов: позитивной юридической ответственности и ответственности ретроспективной. Третьим направлением можно назвать то, представители которого считают, что юридическая ответственность может быть только позитивной, является свойством самого субъекта права.

Вместе с тем, по мнению Ю. И. Гревцова, есть еще один вопрос, в общем-то обойденный вниманием в нашем правоведении, — в чем смысл ответственности? Опираясь на приведенные выше суждения и выводы, можно заметить, что социальный смысл ответственности, прежде всего, — в активной деятельности субъекта с позиций сознательного осуществления требований, предъявляемых обществом, государством. Что же касается основного смысла позитивной юридической ответственности, то, учитывая вышесказанное, заметим, что основной смысл позитивной юридической ответственности не может не состоять в активной деятельности субъекта права в направлении достижения желаемых целей, которая выражается в использовании субъективных прав, исполнении юридических обязанностей в соответствии с правовыми нормами и идеалами.

Говоря о понятии позитивной юридической ответственности, Ю. И. Гревцов отметил следующее. Позитивная юридическая ответственность есть нравственно-волевое состояние субъекта права, выражающееся в осмысливании возможностей и императивов закона, в способности соотносить с ними выбор и постановку цели, способов и средств ее достижения в интересах активного использования правовых возможностей, строгого исполнения юридических обязанностей в интересах достижения желаемой цели.

В заключение Ю. И. Гревцов обратил внимание присутствующих еще на один важный момент. По его мнению, исследование, изучение права, правовых явлений вот уже почти сто лет происходит умозрительным способом. Конечно, метафизические методы важны, без них невозможны серьезные общие выводы, но они должны «подпитываться» сведениями, получаемыми опытным путем, в ходе конкретных социально-правовых исследований. Это, разумеется, требует серьезных организационных, финансовых затрат. В противном случае, подчеркнул докладчик, наше правоведение будет оставаться немощным и потому убогим, неспособным активно содействовать правовому развитию общества, утверждению в нем демократических ценностей и институтов.

Далее слово было предоставлено профессору, доктору юриспруденции, и. о. руководителя кафедры теории и истории права юридического факультета Латвийского университета *Янису Бруновичу Лаздиньшу* для выступления на тему «Значение правовых принципов в налоговом праве». Как подчеркнул Я. Б. Лаздиньш, в Латвийской Республике правовые принципы описаны не только в доктрине, но и в нормативных актах и судебных решениях. Несомненно, что принципы соразмерности, равноправия и справедливости являются общими правовыми принципами, хотя, например, принцип соблюдения прав частного лица, принцип правовой уверенности (надежности), принцип разумного применения правовых норм и др. имеют также существенное значение в обеспечении справедливой налоговой политики.

По мнению Я. Б. Лаздиньша, применение правовых принципов в налоговом праве должно основываться на следующих важных положениях.

1. Формальное понимание принципа равноправия, без учета других критериев, в налоговом праве может привести к значительной несправедливости.

2. При установлении для налогоплательщика размера доходов, не облагаемого подоходным налогом с населения, следует учитывать общие доходы всех членов семьи и размер необлагаемых доходов соответственно количеству членов семьи. Необлагаемый минимум не может быть меньше минимальной заработной платы.

3. Стандарт жизни, соответствующий человеческому достоинству, гарантированный государством, не означает нивелирование доходов налогоплательщиков.

4. Для «добровольного» участия налогоплательщиков в бюджетном процессе решающее значение имеет принцип соразмерности.

5. В налоговой политике государства должен быть найден баланс в соответствии с принципом соразмерности между установленной государством минимальной заработной платой и фактической возможностью налогоплательщиков платить налоги (что особо существенно в связи с налогом на недвижимое имущество). Только такая финансовая политика может считаться справедливой.

Кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ *Елена Евгеньевна Амплеева* выступила с докладом на тему «Территориальные аспекты государственного суверенитета

в международной правовой системе». Она отметила, что для юридической науки, начиная с Нового времени, является традиционным признание существенной связи между государственной властью и территорией. Как правило, территориальность безоговорочно считается необходимой предпосылкой и обязательным свойством государства. Вместе с тем современное международное право не знает официального определения государственной территории.

По мнению Е. Е. Амплеевой, государственная территория — это юридически замкнутое пространство с единым порядком, имеющее суверенный центр управления. Современная конфигурация национально-территориальной государственности требует осмысления правовой конструкции феномена суверенитета. Несмотря на традиционность и обыденность рассматриваемой тематики, многие вопросы, касающиеся государственного суверенитета, по сей день остаются спорными и нерешенными, а потому вызывают многочисленные дискуссии.

Как полагает Е. Е. Амплеева, при рассмотрении современной конструкции государственного суверенитета следует опираться на анализ диахронических и синхронических контекстов употребления этого понятия в юридической теории и практике. В государственно-правовых отношениях суверенитет выступает как юридически неограниченная власть, обладающая верховенством и полновластием. В международно-правовом аспекте суверенитет выражается в праве на независимость государств и неприкосновенность их социально-экономического, культурного и территориального устройства. Иными словами, суверенитет — это характеристика активности верховной власти по отношению к своей территории и свойство субъекта власти, а территория — это пространственное условие реализации суверенитета и его объект. Суверенитет тесно связан с территориальной неприкосновенностью самостоятельных государственных образований, что, в частности, видно из запрета любого вмешательства и проникновения.

На взгляд Е. Е. Амплеевой, территориальный аспект суверенитета является неизменным качеством современных международных отношений, несмотря на усиление потребности в международных торговых сделках между государствами. В силу государственного суверенитета действие национального законодательства не может распространяться на территории других государств, а возможно лишь в пределах территории, подвластной государству, создавшему свое законодательство, поскольку именно суверенитет исключает власть одного государства на территории другого.

В отличие от суверенного государства, которое может в любое время увеличить формальные полномочия государственной власти через свое национальное законодательство, несuverенному государству, как правило, можно определить свою компетенцию в рамках, предусмотренных для него суверенным государством, например федеральной конституцией. Таким образом, суверенное государство отличается от несuverенного возможностью самостоятельно и независимо формировать объем своих полномочий путем принятия собственных национальных законов. Суверенитет является обязательным признаком именно независимых и самостоятельных государств, т. е. наличие суверенитета служит признаком, отличающим государство от всех иных субъектов права.

В настоящее время, по мнению Е. Е. Амплеевой, в условиях все более возрастающей взаимозависимости государств в различных областях общественной жизни существование неограниченной правоспособности государств невозможно. В силу

международно-правовой правосубъектности государства государство не подчиняется власти других государств, однако в силу норм международного права его правоспособность ограничена, поскольку, как минимум, государство обязано уважать суверенитет других государств. Суверенитет одного государства перестает действовать там, где начинает действовать суверенитет другого государства. Наиболее убедительным доказательством, демонстрирующим правоспособность государств принимать самостоятельные решения, «ограничивающие государственные права», являются положения конституций государств относительно делегирования своих национальных полномочий международным организациям. Общеизвестно, что участие государств в многостороннем общении и международных организациях путем реализации своих неотъемлемых прав является не ограничением, а реализацией суверенитета, даже если речь идет о правах, которые государства обычно относят к внутригосударственной компетенции. Таким образом, ограничение свободы действий государства, вытекающее из его международно-правовых обязательств, представляет собой не ограничение государственного суверенитета, а ограничение государства в осуществлении определенных прав — ограничение правоспособности.

В заключение Е. Е. Амплеева отметила, что в условиях глобализации успех того или иного государства в мировой политике зависит от того, насколько адекватно государство оценило преимущества и недостатки глобализации для мирового сообщества в целом и для себя в частности и насколько рационально государство сумело воспользоваться своим национальным потенциалом. Проблема правильного понимания правительствами сочетания национальных и международных интересов становится все более острой в период качественного изменения и усложнения всей международной системы.

По проблематике «Частное право в правовой системе общества» слово было предоставлено доктору юридических наук, профессору, заведующей кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной академии права *Оксане Владимировне Исаенковой*. В своем докладе на тему «Нотариат в правовой системе — проблемы законопроектной работы» она отметила, что нотариат и регулирующие его нормы занимают особое место в правовой системе общества. С одной стороны, это довольно статичный институт, и основная целевая установка нотариальных действий состоит в обеспечении стабильности гражданского оборота, а с другой стороны, отечественная доктрина до настоящего времени не имеет однозначной теории относительно места норм, регулирующих нотариальную деятельность, в системе российского права. Наличие теоретических работ о так называемом нотариальном праве и даже отдельных учебников по нотариальному праву все еще не переломило традиционное отнесение норм, регулирующих нотариальную деятельность, к предмету какой-либо «традиционной» отрасли российского права — чаще гражданского процессуального права, реже — конституционного.

О. В. Исаенкова подчеркнула, что ни у кого из исследователей нотариальных действий, да и у самого законодателя не вызывает сомнений, что нотариат нуждается в реформировании. Главное, чтобы реформирование привело к совершенствованию защиты прав и интересов граждан в направлении ее доступности и эффективности, а не закончилось регрессивным вариантом. Сегодня наличествует опасность превращения реформирования нотариата в перманентный процесс реформ ради реформ, когда уже забыто, ради чего реформы замышлялись, какова была их цель и какими средствами она могла быть достигнута.

С точки зрения О. В. Исаенковой, основной концептуальный вопрос окончательного постреформенного варианта института нотариата — это планируемое расширение нотариальных функций, прав и обязанностей нотариусов. Записанное в Концепции проекта ФЗ «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» комплексное оказание юридической помощи, включающее в себя консультирование, сбор необходимых документов, передачу их на регистрацию прав, медиацию, присутствие на заседаниях органов управления юридических лиц и т. п., выходит за рамки нотариальных действий, поскольку предполагается наряду с ними. Таким образом, совершение нотариальных действий при условии принятия закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» согласно предложенной концепции окажется лишь одним сектором в системе нотариальных функций.

О. В. Исаенкова обратила внимание на то, что и сами нотариальные действия не предполагается делать исключительной прерогативой нотариусов — предусмотренным законодательством РФ полномочия должностных лиц консульских учреждений, дипломатических представительств и местного самоуправления по совершению нотариальных действий также планируется отразить в проекте федерального закона (ст. 1, ч. 4 ст. 7 проекта ФЗ «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации»). Получается, на первый взгляд, интересная ситуация — нотариальные действия в определенных случаях могут совершать и не нотариусы (причем не обязательно имеющие высшее или хотя бы среднее профессиональное юридическое образование), а нотариусы смогут совершать и «ненотариальные» действия (для совершения которых иными лицами не всегда обязательно юридическое образование, но при этом наличие такового у нотариуса и правовой грамотности вообще может лишь повысить качество совершаемых действий).

По мнению О. В. Исаенковой, есть еще несколько актуальных проблем: сохранение государственных нотариальных контор; установление возрастного ценза для нотариусов (планируемого в Концепции как «не менее 30 лет и не более 70 лет», а в самом проекте — «не менее тридцати лет»); рассмотрение заявлений о совершении нотариальных действий или отказе об их совершении.

Резюмируя свое выступление, О. В. Исаенкова подчеркнула, что регулирование нотариальной деятельности должно проводиться как при помощи принятия отдельного закона, так и путем внесения изменений в действующие нормативные акты, регулирующие связанные с нотариальной деятельностью вопросы, в частности ГК РФ и ГПК РФ. Желательно, чтобы такое регулирование отвечало правилам внутренней морали права, чтобы новые нормы о нотариате и нотариальной деятельности заняли достойное место в системе российского права, подчеркнула О. В. Исаенкова.

Следующую группу выступающих объединила тема «Судебная власть в правовой системе общества».

Кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Московского областного гуманитарного института, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин *Константин Петрович Краковский* посвятил свое выступление судебной практике как источнику права применительно к политической юстиции в России в начале XX в. Он отметил, что эволюция суда с давних времен и до наших дней сопровождалась изменением (наполнением) его функций: от общей (и самой древней) — правоприменение — к специальной (толкование закона) и, наконец, к высшей — правотворчество. Плодами осуществления каждой из них были, соответственно, судебные решения, акты толкования права и, наконец, прецеденты.

Как подчеркнул К. П. Краковский, вопрос о значении судебной практики как источника права получил достаточно широкое освещение в литературе, в том числе историко-правовой. Тот же вопрос применительно к истории русского права освещен достаточно скромно. Представляется важным определить, какое разрешение он получил в законе, правоприменительной практике и юридической науке.

К. П. Краковский полагает, что господствующей юридической доктриной дореволюционной юриспруденции был юридический позитивизм. Его представители (в частности, цивилисты Е. В. Васьковский, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич и др.) в качестве важнейшего, если не единственного, источника российского права видели нормативно-правовой акт и, в частности, закон. Их поддерживали многие криминалисты, сторонники позитивизма. Толкование закона должно быть чисто объяснительным. К. П. Краковский напомнил, что Г. Ф. Шершеневич, в частности, отмечал, что судебная практика фактически не имеет в России сколько-нибудь заметного значения. Судебные решения могли бы иметь значение права, если бы обязательность их была установлена законом. Однако в законе на сей счет ничего указано не было.

По мнению К. П. Краковского, в значительной мере «опасения» представителей позитивистского направления на предмет повышения «статуса» судебной практики как источника права были основаны на недоверии к качеству судейской работы, невысокой оценке правосознания судей и их незнании с юридической наукой. И эти соображения, надо признать, были небеспочвенны и, что интересно, сохраняют свою актуальность по сей день.

К. П. Краковский отметил, что сторонники достаточно «молодого» социологического направления настаивали на более широком взгляде на состав источников права, придавая большее значение судебной практике, как, впрочем, и обычному праву. Одним из направлений социологической юриспруденции (как в России, так и в Западной Европе) была теория «свободного нахождения права». Среди ее сторонников следует назвать С. А. Муромцева, Ю. С. Гамбарова и др. Сторонников этого подхода можно было найти и среди криминалистов (Л. С. Белогриц-Котляревский, Г. В. Демченко, П. И. Люблинский, С. В. Позднышев). Они выступали за расширение границ судебного усмотрения и предоставление большей свободы судье в толковании закона, в поиске «внезаконных» источников права и руководстве ими. Одним из серьезных аргументов сторонников социологического взгляда на корпус источников права были действительно существовавшие недостатки законодательства, его противоречивость и особенно пробельность. Именно последняя, по мнению сторонников теории «свободного нахождения права», настоятельно требовала выйти за узкий («заколдованный», по определению Ю. С. Гамбарова) круг «законных» источников, искать другие возможности для заполнения пробелов, восполнения недостатка позитивных норм. О наличии данной проблемы применительно к уголовному праву рассуждал С. В. Позднышев, который усматривал правотворческую роль суда, а конкретно кассационных департаментов Сената, создававших так называемые циркулярные указы, содержавшие расширительное творческое толкование закона.

Впрочем, по мнению К. П. Краковского, и Сенат был небезгрешен, не всегда обеспечивая единство кассационной практики и толкования закона. В конечном итоге, ключевым источником правового (или, точнее, неправового и неправого) вдохновения всех видов судов, рассматривавших политические дела, были не правовые позиции, толкования и разъяснения Сената, а распоряжения Администрации. За одно и то же

преступление можно было получить по ст. 126 Уголовного уложения в гражданском суде несколько месяцев тюрьмы, а в военном, который те же самые действия квалифицировал уже по ст. 102 Уголовного уложения, — многолетнюю каторгу.

К. П. Краковский подчеркнул, что старый синдром авторитарной власти (самодержавной системы), которая прежде не допускала не только других источников права, но даже его альтернативных толкований, тем более исходящих от независимой корпорации юристов, самостоятельно действовавших в своей профессиональной юридической сфере, по-прежнему давал себя знать и после 1864 г., особенно когда это касалось таких чувствительных для власти вопросов, как борьба с политической оппозицией, результат которой (борьбы) мог иметь (а в конце концов и имел) летальные последствия для самой власти (системы). Администрация опасалась, что юридическое толкование не удержится в отведенных ему границах: коль скоро суд начал толковать право, толкование может распространиться и на постановления касательно применения законодательства, а это будет иметь сходство с законодательной властью.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов *Марина Геннадьевна Смирнова* выступила с докладом на тему «Судебная практика как элемент правовой системы».

Следующие выступления объединила проблема правового плюрализма. Доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена *Александра Андреевна Дорская* обратилась к понятию «правовая система» в контексте развития международного и церковного права в России в XIX — начале XX в. Она отметила, что термин «правовая система» не имеет общепризнанного значения. Он используется и когда речь идет о правовой компаративистике, и применительно к национальному праву. Понятие «правовая система» во многом сложилось благодаря развитию в России в XIX — начале XX в. международного и церковного права. Именно они, не вписываясь в привычную систему права, заставляли ученых разрабатывать новую терминологию, искать оптимальное соотношение различных терминов. Научное осмысление международно-правовых и церковных норм началось в России с конца XVIII в. Однако причины развития международного и церковного права были во многом не только различны, но и противоположны.

А. А. Дорская напомнила, что, говоря о происхождении науки международного права в России, необходимо обратиться к идеям Н. М. Коркунова. Он отмечал, что международное право очень тесно связано с естественным правом. Мало того, что они возникли одновременно, фактически у них был один основоположник — Гуго Гроций. Развитие же науки церковного права, напротив, во многом было обусловлено распространением в России идей исторической школы права. Несмотря на различия в источниках развития международного и церковного права в России, представителям именно этих направлений предстояло внести большой вклад в становление понятия «правовая система». Во-первых, шел поиск общих черт международного и церковного права. Во-вторых, «непохожесть» международного и церковного права с государственным, гражданским, уголовным и другими отраслями права толкала исследователей к теории общественного права. Сторонники этой теории выделяли общественное право наравне с публичным и частным правом и считали, что оно возникает независимо от государства для осуществления разных целей родов, сословий, религиозных общин и т. д.

А. А. Дорская подчеркнула, что международникам вторили и специалисты в области церковного права. Например, известный русский юрист В. Н. Лешков относил церковное право к общественному. Подобной точки зрения, хотя и без употребления термина «общественное право» придерживались М. А. Остроумов, Н. К. Соколов, И. С. Бердников, Н. А. Заозерский, М. П. Альбов. Они считали, что церковное право — это самостоятельная область права, не подчиняющаяся ни публичному, ни частному праву.

А. А. Дорская обратила внимание на еще один немаловажный момент, по которому у международников и специалистов в области церковного права возникло единодушие, — соотношение внутригосударственного права с международным и церковным правом. До сих пор считается классическим описание дуалистической теории соотношения международного и внутригосударственного права, которое еще в конце XIX в. предложил в своей монографии, изданной в Лейпциге, Г. Трипель. Российские ученые в целом поддерживали эту идею. Попытки вписать международное и церковное право в систему юридической науки, определить их место в системе права России привели к разработке в российской юриспруденции нескольких новых терминов (самостоятельная область права, особый род права, особая ветвь права и т. п.). Развитие науки международного и церковного права, начавшееся в конце XVIII в., позволило исследователям второй половины XIX — начала XX в. показать, что как международное право можно разделить на отрасли (право войны, международное гуманитарное право, морское право и т. д.), так и церковное право можно как минимум разделить на внешнее право церкви, содержащее вопросы правового регулирования взаимоотношений с государством и другими церквями и религиозными союзами, и внутреннее право церкви, включающее проблемы устройства церкви (вступление в церковь, личный состав церковного общества, органы церковной власти) и церковного управления (церковно-процессуальные вопросы, освящающая власть церкви, церковно-имущественное право). Постепенно были структурированы источники международного и церковного права. С 1835 г. в российских университетах появились кафедры международного и церковного права (до 1863 г. — церковного законоведения).

Таким образом, по мнению А. А. Дорской, понимание международного и церковного права как «особых правовых систем» способствовало становлению понятия «правовая система» и ее признаков.

В рамках блока «Проблемы модернизации правовой системы общества» первым взял слово доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета *Иван Андреевич Иванников*. Он сосредоточил свое внимание на проблемах модернизации российской правовой системы и отметил, что любая технологическая, экономическая, политическая, идеологическая модернизация не может быть эффективной без оптимальной модернизации правовой системы на основе принципа социальной справедливости. Правовая система России представляет взаимосвязанную совокупность обособленных норм права, объединенных в институты и отрасли права, юридической практики и правосознания населения страны. Правовые преобразования в России не всегда соответствуют интересам подавляющей массы населения, а поэтому есть факты неисполнения, несоблюдения и нарушения законов. Основой правовой системы современных государств являются их конституции. Не может быть хороших законов в государстве при плохих конституциях. Причина многих бед в России заложена в Конституции РФ 1993 г., которая провозгласила республики государствами (п. 2 ст. 5),

ориентирована на европейские либеральные ценности без учета предшествующего российского и советского положительного опыта государственного и правового строительства. Политика В. В. Путина, направленная на приведение в соответствие законодательства субъектов РФ с Конституцией РФ и федеральными нормативно-правовыми актами, несколько упорядочила правовое регулирование в стране, но установить желаемый правопорядок на территории России, близкий к европейскому, так и не удалось. Конституция закрепляет республиканскую форму правления в России. Президент Б. Ельцин, распустив Верховный Совет РФ и приостановив деятельность Конституционного Суда в сентябре — октябре 1993 г., из главы исполнительной власти превратился в главу государства. Этот статус и закрепила Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.

Вместе с тем, как подчеркнул И. А. Иванников, в истории много примеров того, как с помощью законов можно разрушить цивилизованное общество и государство, а также экономику, довести государство до потери экономического и политического суверенитета. Однако с помощью законов можно сделать государство и общество более устойчивыми и развивающимися. Законы, регулирующие однородные сферы общественных отношений, должны приниматься в комплексе. В Российской Федерации много несправедливых законов, и, по мнению И. А. Иванникова, в первую очередь Конституция. При несправедливых законах общество долго жить в мире не может. Раньше возникали стихийные бунты, революции. В современных условиях они часто трансформируются в террористические акты. В этих условиях легко распространять антироссийские идеи, предлагать пути выхода из кризиса путем развала Российской Федерации на отдельные государства. В нынешней российской действительности такой сценарий грозит не только вылиться в вооруженный конфликт, но и повлечет за собой быстрый распад Российской Федерации как целостного государства, приведет к войне «всех против всех». Современное Российское государство может повторить судьбу СССР. Вопрос о форме Российского государства нуждается во всенародном обсуждении и справедливом демократическом решении. Модернизация правовой системы России начнется лишь с отмены нелегитимной по установлению, на взгляд И. А. Иванникова, Конституции 1993 г. и с принятия новой, отражающей интересы большинства населения, научно обоснованной Конституции России.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западной академии государственной службы *Валентина Петровна Есенова* выступила с докладом на тему «Правовая культура и тенденции развития конституционализма в России». По мнению В. П. Есеновой, в настоящее время факторами, влияющими на развитие конституционализма в России, являются: связь научной теории и практики в правоустановительной деятельности законодательной и исполнительной ветвей государственной власти, эффективная организация систем государственной власти, исключение судебных усмотрений в провоприменительной деятельности судов, а также состояние конституционной законности государства, выражающееся, прежде всего, в безусловной исполняемости решений Конституционного Суда Российской Федерации всеми правоприменителями, включая высшие государственные органы. При этом использование правовых институтов и законов в той форме, в какой они применяются людьми — от главы государства до рядового гражданина, — в конечном счете зависит от общей, политической и правовой культуры общества и современного правового государства.

В заключение В. П. Есенова указала, что в идеале в рамках развитого конституционализма высшую социальную норму устанавливает уже не государство посредством

своих институтов, а общество посредством институтов прямой демократии. Государство же при осуществлении этой процедуры призвано предоставить возможность реализации народного волеизъявления, т. е. выполняет обеспечительную функцию. Однако без развития правовой культуры всего общества содержательное развитие конституционализма представляется трудной задачей.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Российской академии правосудия *Николай Александрович Грачев* посвятил свое выступление влиянию модернизации политической системы на экономические права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации. Он отметил, что анализ законодательства и практики его реализации в последние 20 лет наглядно свидетельствует, что политическая система в РФ во многом изменилась. Будучи первоначально избранными народом, законодатели рано или поздно начинают действовать в своих интересах вместо интересов народа. Это не обязательно интересы эгоистические, низкие — это может быть служение некоей идее или фантазии. Это не обязательно действия виновные — они могут диктоваться ошибкой, оторванностью от народа. Даже в предположении абсолютной честности, неподкупности и величайшего ума избранных депутатов они не могут абсолютно точно знать, как меняются интересы граждан в течение нескольких лет. Историческая реальность же такова, что законодатели часто действуют в своекорыстных интересах либо в интересах контролирующих их групп. Более того, они используют данную им власть с целью ее закрепления путем изменения законодательства и манипуляции сознанием избирателей. Предотвращение очередной социальной катастрофы требует создания механизма, гарантирующего невозможность перерождения властной элиты и максимальное соответствие ее действий подлинным интересам народа.

По мнению Н. А. Грачева, решение данных проблем лежит не только в плоскости практики, но и в теоретической области. Конституционное право, опираясь в своих определениях на теорию права, оперирует на сегодняшний день принципиально устаревшей конструкцией конституционных прав и свобод. Жесткое деление конституционных прав и свобод на группы не позволяет ответить на те вопросы, которые ставит перед наукой сама жизнь. Существующие классификации не дают новые импульсы развития правовой системы, в том числе отраслей права и не позволяют раскрыть сущность представленных в конституции прав и свобод. Сегодня жесткое разделение конституционных прав и свобод в принципе невозможно, так как оно было бы тормозом для налаживания социальных связей. Классификация конституционных прав и свобод приводит к классовому пониманию конституционного права, которое, в конечном счете, способствует тому, что субъект конституционного права — свободная личность — мог бы пользоваться только определенной группой прав, обладать лишь определенными классовыми признаками. Между тем конституционные права должны, наоборот, способствовать максимальной реализации личности в свободном обществе и тем самым реализовать суперпринцип конституционного права, закрепленный в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

По проблемам правовой системы общества в историческом измерении выступил доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета *Александр Львович Рогачевский*. Он посвятил свое

выступление юридическим памятником истории права Ингерманландии XVII — начала XVIII в. в Историческом архиве Эстонии в Тарту.

А. Л. Рогачевский напомнил, что в результате событий Смутного времени значительная часть российских территорий была захвачена Швецией. Явившись сперва как союзники по приглашению одной из соперничающих политических партий, шведы сумели завладеть стратегически важными областями страны. По Столбовскому мирному договору 1617 г. к шведской короне отошли Ижорская земля (Ингерманландия) и Корельский уезд (Кексгольмский лен). В результате Россия почти на столетие лишилась выхода к Балтике.

Таким образом, по мнению А. Л. Рогачевского, около 90 лет упомянутый край развивался преимущественно в рамках шведской государственно-правовой традиции. Сам по себе этот феномен должен был бы стать предметом пристального внимания российских исследователей. Но, несмотря на давний интерес отечественной науки к прошлому этих мест, история их государственно-правовых институтов в шведскую эпоху изучена недостаточно. Ею занимались в основном ученые Швеции, Финляндии, их прибалтийско-немецкие коллеги, а в последние годы также эстонские историки. В центре их внимания находились организация управления, налогообложения и таможенного дела в этих землях, правовое положение отдельных групп населения, особенно дворянства и горожан, а также некоторые другие вопросы.

А. Л. Рогачевский отметил, что иначе обстоит дело в отечественной литературе. Несмотря на то что некоторые материалы, отражающие деятельность шведской администрации (писцовые книги Ижорской земли за 1618–1623 гг.), были опубликованы в России еще в XIX в., серьезное изучение внутренней истории края в шведский период стало осуществляться в нашей науке лишь с 1960-х гг. В первую очередь следует упомянуть многочисленные труды покойного И. П. Шаскольского, который затрагивал данный вопрос с привлечением советских и зарубежных архивов и впервые издал ряд важных документов. Об отдельных аспектах проблемы писали и другие авторы, затрагивая вопросы политической и социально-экономической истории, этнологии, исторической географии и урбанистики, церковной истории и др.

Важное значение, полагает А. Л. Рогачевский, имеют правовые материалы, связанные с историей отдельных городов края. Исторический архив Эстонии располагает богатым собранием источников, проливающих свет на управление и право Ингерманландии в шведский период. А. Л. Рогачевский выразил надежду, что отечественные праведы и историки будут чаще обращаться к документам архива. Это создаст надежную основу для продолжения многообещающих исследований, начатых усилиями И. П. Шаскольского и других российских специалистов.

В рамках блока «Varia» выступили молодые ученые. Первой слово взяла преподаватель кафедры теории права, государства и судебной власти Российской академии правосудия *Дениза Андреевна Герасимова* с докладом на тему «Эволюция понимания закона в юридической науке».

Далее соискатель МГИМО МИД России *Юлия Александровна Воронова* осветила проблему формирования социально-правового государства. Она отметила, что часто в понятие «социальное» каждый вкладывает свой личный, сугубо ему приемлемый смысл, определяя и говоря об этом явлении. Целями демократического государства, каковым собственно и является Российская Федерация, признаются: создание условий для устойчивого социального развития; формирование благоприятных условий

для духовной и культурной жизни общества, активизации интеллектуального потенциала.

Ю. А. Воронова обратилась к Концепции социального государства России, одобренной участниками научно-практической конференции в Академии труда и социальных отношений 20 января 2004 г., разработанной Временным творческим коллективом на период 2006–2008 гг. Каждый раздел Концепции намечает определенные цели в направлении социальной государственности в России. В частности, речь идет о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Цель, провозглашенная Конституцией Российской Федерацией, видится в решении таких задач, как определение оптимальных механизмов управления социальной сферы, изучение комплексных показателей, анализ необходимых теоретических, исторических норм, путем применения инновационных подходов и использования мировой практики, зарубежного опыта.

На взгляд Ю. А. Вороновой, реализация приоритетов социальной программы имеет стратегическое содержание, обеспечивая в первую очередь повышение качественных характеристик и рост продолжительности жизни людей. Приоритетные национальные проекты должны реализовываться в сфере современного здравоохранения, качественного образования, доступного жилищного фонда и эффективного инвестиционно привлекательного сельского хозяйства.

Продолжил тему социального государства в современных условиях советник по правовым вопросам ТОО «КарагандыЖылуСбыт» *Кайрат Булатович Алибеков*.

Аспирант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова *Евгений Владимирович Кискин* посвятил свое выступление правотворчеству как коммуникативной технологии.

Итоги состоявшегося обсуждения подвела ведущая конференции Е. В. Тимошина. По общему мнению, научная дискуссия по проблемам правовой системы общества удалась.